Федосеева Л.Ю.

Реализация политики выселения раскулаченных семей в период сплошной коллективизации

ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет"
(Россия, Пенза)

doi: 10.18411/lj-10-2020-89

idsp: lj-10-2020-89

Аннотация

В статье рассматривается проблема хозяйственного обустройства выселенного из районов сплошной коллективизации кулаков и членов их семей, делается вывод об организационной и материальной неподготовленности властей к размещению и организации труда и быта спецпоселенцев.

Ключевые слова: кулаки, спецпоселенцы, ОГПУ, конфискация, снабжение, медицинское обслуживание, лагерный режим.

Abstract

The article deals with the problem of economic development of kulaks and their family members who were evicted from areas of continuous collectivization. it is concluded that the authorities are not prepared for the placement and organization of work and life of special settlers.

Keywords: kulaks, special settlers, OGPU, confiscation, supply, medical care, camp regime.

Директива Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», вышедшая в начале 1930 г., разделила кулацкие хозяйства на три категории. Первую категорию составлял «контрреволюционный актив», организаторы террористической и антисоветской деятельности. Их, как правило, приговаривали к высшей мере наказания или отправляли в концлагеря. Их семьи высылались в отдалённые и малонаселённые районы Советского Союза с тяжёлыми природными условиями.

Вторую категорию составляли крупные кулаки и бывшие «полупомещики», которые выселялись за пределы краёв прежнего проживания.

Третья категория раскулаченных подлежала выселению в пределах краёв прежнего проживания, в другие сёла и деревни. Эта категория кулаков была самой многочисленной, так как по многим критериям они мало отличались от середняков, которые часто требовали возвращения отобранного у них имущества и восстановления в правах.

Наркомзем РСФСР, подготавливавший проект расселения кулаков, предложил не производить их расселение на отдельные хутора, а создать посёлки из 20–100 дворов. Размеры посёлков должны были обеспечивать возможность организации в них медико-санитарной помощи, школы, потребительских и сельскохозяйственных производственных хозяйств.

Посёлки должны были находиться вне районов сплошной коллективизации, но, по возможности, между этими районами, чтобы они оказывали идеологическое воздействие на население спецпосёлков; вне пограничной полосы, далеко от расположения железнодорожных, шоссейных и водных путей.

Выселенным кулакам выделялись сельскохозяйственные земли худшего качества. Нормы земельных наделов определялись комиссией в составе представителей земельных органов, ОГПУ, административных управлений и областных исполкомов (5, с. 382–383).

Работоспособные члены семьи расселяемых кулаков должны были быть использованы на лесозаготовках и сплаве, а также в лесохимии и на дорожных работах, что должно было дать спецпереселенцам дополнительный заработок и облегчить сельскохозяйственное освоение земли. Инвентарь предоставлялся в порядке кредитования, питание – в порядке государственной ссуды, но только на период занятости колонистов жилищным строительством.

На каждый посёлок органами ОГПУ должен был быть назначен один комендант и один милиционер, которые содержались за счёт бюджета (5, с. 384–388).

В связи с болезнями и высокой смертностью выселенных кулаков директива № 12918 от 20 апреля 1930 г. предписывала «немедленно разрешить» вывоз из мест ссылки детей выселенных кулаков второй категории до 14-летнего возраста их родственниками, при наличии согласия родителей. Пользы в общественных работах от детей никакой не было, зато советское руководство проявило гуманизм, разгрузило места поселений от «лишних ртов» и обезопасило трудоспособных спецпоселенцев от распространения инфекционных заболеваний. Кроме того, лагерное начальство лишней раз перестраховалось от стихийных выступлений в среде спецпоселенцев.

В письме наркома внутренних дел В. Н. Толмачёва, входившего в состав комиссии, прибывшей на север для ознакомления с положением спецпоселенцев, приводится «Справка о заболеваемости и смертности среди выселенных». Вот некоторые данные из этой справки: «По г. Архангельску за март и 10 дней апреля из 8000 детей заболело 6007... Умерло детей 587. По Северо-Двинскому округу на 12 апреля 1930 г. всего умерло – 784 человека, из них детей – 634. По Вологодскому округу с 29 марта по 15 апреля болело детей 4850, из них умерло 162 человека...» (4).

11 марта 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) создало специальные комиссии во главе с заместителем председателя СНК СССР А.А. Андреевым, в состав которой вошли Г.Г. Ягода и П.П. Постышев. Комиссия должна была осуществлять «наблюдение и руководство работой по выселению и расселению кулаков». Основная часть спецпереселенцев отправлялась в малонаселённые районы Севера, Урала, Сибири и Казахстана, для использования на трудоёмких малоквалифицированных работах – лесоповале, в горнодобывающей промышленности и т.п.

Из Средне-Волжского края, который входил в группу I А, подлежащую первоочередной высылке в Сибирь для хозяйственного освоения необжитых земель, было намечено выселить 14 тысяч семей (2, с. 340; 3).

В кулацких хозяйствах, подлежащих выселению, предлагалось конфисковать: «жильё и хозяйственные постройки, сложный сельхозинвентарь, рабочий и продуктивный скот, за исключением одной лошади и одной коровы на хозяйство, посевы, фураж, за исключением нормы на скот, оставляемый в хозяйстве, хлебные запасы, за исключением нормы разрешённой к вывозу, денежные средства, как наличные, так и хранящиеся в сберкассах, превышающие 3 тысячи рублей. Не конфискуются: деньги до 3 тысяч рублей на семью, облигации займов, домашние вещи (мебель, посуда, швейные машинки и пр.), одежда, плотничий инструмент» (6).

Первоначально на органы ОГПУ возлагалась ответственность за организацию высылки и доставку спецпереселенцев. За их размещение и организацию труда отвечали комендантские управления или отделы НКВД. С 20 мая 1931 г. решением Политбюро вся инфраструктура сети комендатур передавалась в ведение ОГПУ. В местах спецпоселений был установлен более строгий лагерный режим и надзор за принудительным использованием труда раскулаченных (7).

После передачи спецпоселений в ведение ОГПУ стала проводиться организационная работа, направленная на учёт спецпоселенцев, их обустройство и исправление беспорядков, связанных с их прежним положением.

В связи с «ударными» темпами переселения кулаков возникали проблемы с подготовкой инфраструктуры спецпоселений. Начальник Кузнецстроя Франкфурт С.М.

и секретарь Кузнецкого райкома партии Р.М. Хитаров в телеграмме на имя А.А. Андреева от 21 марта 1931 г. информировали об отсутствии условий для приёма спецпереселенцев: «Востокосталь по договорённости с ГУЛАГом направляет на площадку Кузнецстроя 5 тысяч семейных спецпереселенцев. Мы всё время протестовали, вследствие отсутствия какой бы то ни было жилплощади. Подготовить в течение 10 дней жилплощадь для 20 тысяч человек абсолютно невозможно, также отсутствует возможность надлежащей организации питания и медобслуживания. Наш протест Востокостали, ГУЛАГу остался безрезультатным...» (8).

Проблема жилищного устройства кулаков на местах их нового проживания была одной из ключевых. Причинами систематического невыполнения строительства являлись: стремление хозяйственников использовать подневольную рабочую силу на объектах, не относящихся к строительству; отсутствие подготовительной работы со стороны хозяйственных организаций и планов строительства; отсутствие материальной базы из-за перебоев с кредитованием и вследствие этого – необеспеченность стройматериалами и инструментами.

Хозяйственные организации, на которые переложили бремя строительства жилья для спецпоселенцев, были совершенно некомпетентны в этом вопросе и протестовали против новой обязанности обеспечения ссыльных жильём. В результате размещение спецпоселенцев было произведено в совершенно непригодные помещения: старые бараки, овощехранилища, кирпичные сараи и т.д. Жильём были обеспечены 20–25 % спецпереселенцев, остальные жили в шалашах и землянках, не защищавших от холода и дождей (9, с. 721).

Продовольственное снабжение кулацкой ссылки не соответствовало даже установленным минимальным нормам. Во многих районах Урала спецпереселенцы питались сухой травой, листьями, мукой из опилок, шишками, крапивой, мхом и другими суррогатами. Работающие поселенцы не получали никаких продуктов от нескольких дней до нескольких недель (9, с. 721).

Хозорганы, говорившие кулакам, что они их безраздельные и вечные владельцы, не считали своей обязанностью, как правило, платить им зарплату. Почти повсеместно кулаки по несколько месяцев не получали зарплаты в деньгах, получая лишь нищенский продуктовый паёк, недостаточный для пропитания всей семьи. Кроме того, обыденным явлением были обчёты и обманы со стороны низовой администрации хозяйственных органов. Не работающие члены семьи: дети, старики – пайка не получали вовсе, и это приводило к тому, что работающий кулак должен был часть своего пайка отдать членам своей семьи, чем окончательно истощал себя и становился нетрудоспособным. Снабжение товарами первой необходимости, особенно одеждой и обувью, даже работающих, было настолько мизерно, что значительная часть кулаков не могла быть использована на работах вследствие нехватки одежды. Так, например, по Северному краю на 102 тыс. человек за всю зиму было доставлено 2,8 тыс. сапог и 4 тыс. лаптей (9, с. 727–728).

Из-за отсутствия надлежащего питания и медицинского обслуживания многие спецпереселенцы потеряли трудоспособность. В сибирских леспромхозах, в которых работало 75 % спецпереселенцев, на почве недоедания развилась цинга, возникали вспышки брюшного и сыпного тифа. В Сибири суточная норма продовольствия на одного человека составляла 200 г муки, 20 г крупы, 6 г сахара, 3 г чая, 75 г рыбы и 7 г соли. Охрана получала муки в 3,5 раза больше, крупы в 6 раз, сахара в 5 раз. На Урале нормы были ещё ниже. Д.А. Ванюков и И.В. Суслов отмечают, что даже эти минимальные нормы обеспечивались лишь на 50–70 %. Цены на продукты в районах спецпоселений были на 15 % выше. Руководители леспромхозов исходили из того, что «спецпереселенцев надо держать как можно больше в чёрном теле»; заботы об улучшении их материально-бытовых условий рассматривались как «правый уклон». Работникам Прокуратуры пришлось даже напомнить лагерному начальству, что

«ликвидация кулачества как класса» не подразумевает «его физического уничтожения». В общей сложности погибло от четверти до трети депортированных крестьян (10, с. 14). По другим данным, за 1932–1935 годы умер каждый шестой спецпереселенец (300 тысяч человек) (1).

В правовом положении кулаки были практически беззащитны. Они считали себя обречёнными на вечное бесправие. Вследствие постоянных ущемлений и невыносимых условий существования среди спецпоселенцев стали развиваться антисоветские настроения. Отчёты ОГПУ с мест, свидетельствуют о том, что в ряде районов высылки кулаки ожидали войну и надеялись на интервенцию. Со стороны авторитетов кулацкой ссылки отмечались повстанческие настроения и тенденции к организованной «контрреволюционной работе». Отмечались случаи открытого призыва к массовым побегам, организации банд и вооружённому восстанию.

После 20 мая 1931 г. на основании постановления ЦК ВКП(б) контроль за кулаками и их устройство в местах спецпоселений осуществляли работники ОГПУ. Со всеми хозяйственными органами, принимающими кулаков, были заключены договоры об обеспечении последних жильём, продовольственным снабжением, медицинским и культурным обслуживанием, оплате выполняемых ими работ на равных условиях с вольными рабочими.

С медицинским обслуживанием дело обстояло так же плохо, как со снабжением и жильём. Наркомздрав не проявлял никакого внимания к обслуживанию кулаков. Не было создано амбулаторий, больниц, не было врачей и медикаментов. Медицинский персонал приходилось вербовать из ссыльных, отбывающих сроки в лагерях.

Многие спецпереселенцы предпринимали попытки к бегству, но, как правило, беглецов либо пристреливали по дороге, либо возвращали в спецпосёлки. Только в сентябре – октябре 1931 г. было зарегистрировано более 37 тысяч побегов.

По условиям гулаговского режима освобождённые кулаки, отбывшие свои сроки наказания, должны были оставаться в качестве вольнопоселенцев в районах тех лагерей, где они отбывали сроки, в случае возврата бывших кулаков в родные края, они причислялись к разряду «беглых кулаков».

Таким образом, выселение кулаков, политически обоснованное властью, не было подготовлено ни организационно, ни материально, обернулось страданиями и лишениями, которые не могли не сказаться на умонастроениях бывших кулаков и их отношении к советской власти.

1. Ванюков Д.А., Суслов И.В. Годы репрессий. – М., 2007. – С. 42.
2. Власов В.А., Тишкина А.В. Выселение раскулаченных крестьян Пензенского края / Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 338–344.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 21.
4. Данилов В.П. Необычный эпизод во взаимоотношениях с ОГПУ и Политбюро (1931) / В. П. Данилов // Вопросы истории. – 2003. – № 10. – С. 18.
5. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. – М., 1989. – С. 47–48.
6. Ивницкий В.С. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933) / В.С. Ивницкий. – М., 2000. – С. 136.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 51.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 37.
9. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы в 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – Т. 3: 1930–1934. – М., 2003. С. 721.
10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930–1933 гг. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2001. – С. 14.